

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра английского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Трагедия В. Шекспира «Ричард III» в двух методологических проекциях: историко-литературный метод и новый историзм».

Исполнитель _____ Фадеев Вадим Анатольевич _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ д.ф.н., доцент _____
_____ Якушкина Татьяна Викторовна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой
_____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Родичева Анна Анатольевна _____

«21» июня 2022г.

Санкт–Петербург

2022

Оглавление	
Введение	3
Глава 1. История и принцип историзма в двух методах: историко-литературный и новый историзм	7
1.1. Принцип историзма в XX веке	7
1.2. Историко-литературный метод и условия его формирования в борьбе материализма с идеализмом	13
1.3. Формирование нового историзма в рамках развития постструктурализма.....	16
1.4. Становление современного шекспироведения	24
Глава 2. Анализ хроники «Ричард III» в методологических проекциях нового историзма и историко-литературного метода	33
2.1. Хроника «Ричард III» сквозь призму историко-литературного метода.....	33
2.1.1. Исторический контекст в историко-литературном его понимании	33
2.1.2. Проблематика хроники как ответ на вопрос эпохи – тиранию	37
2.2. «Ричард III» в видении нового историзма	45
2.2.1. Анализ политической обстановки в Англии как контекста произведения.....	46
2.2.2. Восприятие хроники как трагедии характера сквозь призму понимания человека XXI века	48
Список используемой литературы	57

Введение

Проблемы метода исследования и методологии науки всегда привлекали внимание ученых и философов, начиная с античной эпохи. Являясь профильной проблемой таких дисциплин, как история науки и науковедение, методология также входит в сферу интересов и каждой отдельной науки, ибо без различных методов исследования не может быть и самих исследований.

По определению В. П. Кохановского, метод (от греческого — способ познания) — в самом широком смысле слова — «путь к чему-либо», способ деятельности субъекта в любой ее форме. Понятие «методология» имеет два основных значения: 1) система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т. п.) — изучается преимущественно самой наукой, в которой метод применяется; 2) учение об этой системе, общая теория метода, теория в действии — исследуется науковедением. Основная функция метода — внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта. Поэтому метод сводится к совокупности определенных правил, приемов, способов, норм познания и действия. Он есть система предписаний, принципов, требований, которые должны ориентировать в решении конкретной задачи, достижении определенного результата в различных сферах деятельности [26].

Как считает Г. И. Рузавин, методология как общее учение о методе не сводится к простой совокупности ни частных, ни общих методов исследования. При анализе, как частных, так и более общих методов исследования она изучает, прежде всего, возможности и границы применения этих методов в процессе достижения истины, их роль и место в познании. Поэтому многие авторы справедливо считают ее специальным разделом гносеологии, исследующим формы и методы научного познания [14]. Являясь частью учения о познании, методология неразрывно связана с

философией, потому что именно философский базис служит основой любой методологии. Однако проблемы философии не тождественны проблемам методологии, первая дает лишь основу, а вторая преобразовывает ее в средства достижения поставленных целей.

Наша работа предполагает сравнение нового историзма с историко-литературным методом. Каждый из этих методов зарождался независимо от другого, однако, они оба в определенной степени вырастают из отрицания идей структурализма. Вместе с этим, оба этих метода опираются на теорию марксизма, что обуславливает их основное направление, движение в сторону историзма, как трактовку литературных произведений через контекст, в котором существовал автор. Ключевая же разница между новым и старым историзмами также заключается в их философском базисе и из нее распространяется на теоретическую и практическую части методологий. Если историко-литературный метод за основу берет позицию материализма в виде ортодоксального марксизма-ленинизма, то новый историзм уходит в сторону неомарксизма, совмещая его, таким образом, с идеями постструктурализма и позитивизма, интерпретируя их по-своему.

Актуальность данной работы обусловлена следующим:

– недостаточностью специальных научных исследований по методологии литературоведения второй половины XX века, ограниченностью русскоязычных источников для изучения нового историзма и историко-литературного методов;

– сохранением актуальности основной проблемы трагедии В. Шекспира «Ричард III», для историко-политических процессов XX века: проблема тирании и личности тирана.

Целью данной работы было проанализировать основополагающие принципы нового историзма и историко-литературного методов в работах В. П. Комаровой и С. Гринблатта, уделив основное внимание принципу историзма в них.

Задачи работы

1) Проследить основные тенденции формирования принципа историзма в науке XIX–XX веков.

2) Выявить философские истоки каждого из методов.

3) Проанализировать становление современного западного и отечественного шекспироведения.

4) На материале работ В. П. Комаровой выявить основные принципы историко-литературного метода, проследить особенности их использования в анализе «Ричарда III».

5) Проанализировать монографию С. Гринблатта «Tyrant : Shakespeare on politics» выявляя зависимость исследователя от идей психоанализа и постструктурализма.

Объектом исследования в данной работе является методология литературоведения второй половины XX века.

Предмет исследования новый историзм и историко-литературный метод в их подходах к изучению Шекспира.

Материалом для практической части исследования являются работы В. П. Комаровой «Творчество Шекспира» (2001 г.) и «Личность и государство в исторических драмах Шекспира» (1977 г.) [24, 12] как примеры историко-литературного метода. «Tyrant : Shakespeare on politics» (2018 г.) [35] С. Гринблатта как образец метода нового историзма и драма В. Шекспира «Ричард III» (1591 г.) [31].

Методологической основой являются статьи Б. Г. Реизова «Типология или история?» [25], «Наука о литературе и читатель» [15] и «Об изучении литературы в современную эпоху» [18], монография А. Э. Анисимовой ««Новый историзм»: Науковедческий анализ» [17] и сборник статей А. Визера «Новый историзм».

Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный метод с элементами историко-литературного.

Практическая значимость состоит в том, что материал исследования может быть использован в программах вузовских курсов по литературоведению, а также в дальнейших исследованиях современных методологий.

Описание структуры работы. Содержание исследования изложено на 60 страницах текста и включает введение, 2 главы, сопровождающиеся выводами, заключение, список использованной литературы. Список использованной литературы состоит из 35 наименований, из них 8 на иностранных языках.

Апробация работы. Результаты исследования частично были представлены в виде двух сообщений: «Философский базис понятия “нового” историзма в западном литературоведении» на студенческой конференции Государственной полярной академии (РГГМУ, Санкт-Петербург) «Неделя науки» 1 декабря 2021 года и «Историко-литературный метод и его особенности на примере анализа «Ричарда III» В. Шекспира в работах В. П. Комаровой» на студенческой научной конференции Государственной полярной академии (РГГМУ, Санкт-Петербург) 22 апреля 2022 года.

Глава 1. История и принцип историзма в двух методах: историко-литературный и новый историзм

1.1. Принцип историзма в XX веке

Принцип историзма в изучении литературы начинает формироваться в XIX веке в рамках культурно-исторической школы, затем он продолжает свое развитие в сравнительно-историческом, социологическом и других направлениях. Его главной формулой всегда оставалось описание контекста эпохи, через который объяснялся и текст художественного произведения. Под контекстом в данном случае понимаются объективные внешние факторы, повлиявшие на автора и сформировавшие его мировоззрение, такие как экономическая формация, положение классовой борьбы, политические события, культурный фон и непосредственные события из жизни автора. В зависимости от развития литературоведческих методологий и личности исследователя, изменялись акценты в изучении контекста. Если культурно-историческая школа занималась изучением контекста через расу, среду и момент, то сравнительно-историческая школа отдавала предпочтение изучению традиций [11]. В этом ключе важно понимать, что развитие принципа историзма в литературоведении напрямую связано с пониманием самой истории как науки.

Период конца XVIII, начала XIX века стал началом полномасштабной промышленной революции в западных странах, что повлекло за собой активное развитие всех наук. Появилась долгожданная возможность освободиться от влияния сил природы, а также способность активно использовать ее законы себе во благо. Все это вселило веру во всемогущество науки и в безграничность возможностей человечества, в созидательность его стремлений и действий [9]. Выражалось это в первую очередь в утверждении идей прогрессизма, которые заключались в поступательном движении от простого к сложному. Основным выразителем этих идей и способом достижения прогресса назначалась наука, в том числе и история. Однако

Первая и Вторая мировые войны разрушили веру в данные идеи. Те страдания, которые пришлось пережить человечеству, причиненные, в том числе и техническим прогрессом, утвердили веру в несистемность развития, в отсутствие поступательности в движении, а впоследствии и в отсутствие в нем объективности. Современная наука в целом склонна отказываться истории в ее объективности, а, следовательно, и в ее познавательной функции.

Одним из основателей идей структурализма и постструктурализма стал Ролан Барт, по сути, он пережил несколько деформаций и модификаций собственных философских воззрений, однако нам интересно к каким выводам он пришел в конце. Одним из главных направлений мысли Р. Барта являлась борьба с идеологизированностью, он считал ее способом бессознательного самообмана, ложным сознанием. Вначале он стоял на позициях сартровского экзистенциализма, утверждая свободу воли человека как нечто способное противостоять идеологии, впоследствии же Р. Барт проникся идеями Ф. Де Соссюра. Р. Барт настаивал, что: «метаязык гуманитарных наук, сам будучи продуктом культуры, истории, в принципе не может преодолеть их притяжения... Научный язык – это форма отчуждения языка; он, следовательно, нуждается в преодолении (что отнюдь не значит: в разрушении)» [20, С. 129–130]. Здесь Р. Барт пытался избавиться от внешних факторов влияющих как на науку, так и на повседневного человека. Он пытался объективизировать процессы изучения гуманитарных наук и жизни, вводя их в некий вакуум идеального эксперимента. С одной стороны, это соответствует общенаучному духу, который предполагает исключение всех факторов, влияющих на чистоту опыта. С другой стороны, как отсутствие идеологии уже является идеологией, и человек никогда не может оказаться полностью свободен от той или иной ее формы. Так и гуманитарные науки являются продуктом собственного направления исследований, и абсолютный отрыв от контекста невозможен, наоборот, все

исследования являются лишь продолжением изучения собственного контекста.

Структурализм и постструктурализм в результате потрясений, нанесенных Второй мировой войной, связывают их также и с идеологической проблематикой идей национализма. В попытке уйти от влияния идеологии западный мир сначала использует идеи экзистенциализма, как свободы воли и преобладания субъекта над объектом, а затем переходит к структурализму, как способу уничтожения объекта. Он исследует структурные связи между элементами без связи между структурами [19]. Впоследствии это перейдет к постструктурализму и отрицанию идей какой-либо связи между вещами, и отсутствию самих вещей. Постструктурализм проходит путь от объективного знания к субъективному, опираясь при этом на объективацию научного процесса, вытесняя его из связи с контекстом и перенося все в плоскость текста.

Таким образом, в современных реалиях, начиная с середины XX века, активно отрицается принцип историзма, который подразумевает собой в первую очередь объяснение настоящего на основе знаний о прошлом [16]. Поскольку он придерживается, во-первых, идеи о системности развития, где любое событие находится в причинно-следственной цепи и не может выходить за ее рамки. Во-вторых, если мы сможем выявить эти причинно-следственные связи, с помощью них мы сможем правильно истолковать и интерпретировать текст. В-третьих, если существует правильная интерпретация, существует и объективная истина. Соответственно, в отличие от принципа историзма, современная наука утверждает плюрализм мнений и субъективизм, где каждое действие равнозначно другому, может пониматься абсолютно по-разному и не имеет четкой систематизации [22]. Такая трактовка действительности ставит под сомнение не только важность исторических знаний, но и знаний вообще. Исследуемые же нами методологии возвращаются к принципу историзма в литературоведении,

утверждая через него важность изучения истории, однако, делают они это с принципиально разных позиций, так как придерживаются различных идеологий, выраженных в философских концепциях. И для того, чтобы разобраться в подлинной позиции каждой из методологий, нужно исследовать этот базис, как первопричину расхождения методов и то, из чего они произрастают.

Как новый историзм, так и историко-литературный метод, по сути, являются возможными вариантами выхода из данного кризиса в гуманитарном знании в современном мире. Если постструктурализм заиклен на изучении интертекстуальности и циркуляции текстов внутри себя [22], то данные методологии предлагают расширить границы за текст и внести в него контекст, вопрос заключается к глубине понимания термина контекст. Для философии материализма именно общественные законы истории являются основным движущим фактором всего остального. Бытие формирует сознание, а история становится наукой о бытии, и через это о том, что сформировало наше сознание. Таким образом, историко-литературный метод, на наш взгляд, обладает большим потенциалом, чем новый историзм, именно за счет своей позиции в виде познаваемости мира.

Следующим немаловажным расхождением нового историзма с историко-литературным методом, является вопрос об отношении художественного вымысла с действительностью или текста с контекстом. Этот вопрос не может оставаться непротиворечивым в силу расхождения точек зрения не просто по отношениям между этими двумя элементами, но и по их определению, и факту их существования как таковых. На наш взгляд, данная проблема требует изучения в первую очередь с гносеологических позиций. Данная проблема имеет два основных взаимоисключающих решения. Одно из них предлагает философия материализма, другое – философия идеализма. Первое основано на доминирующем влиянии контекста, который формирует текст, а текст, в свою очередь, поскольку сам

становится составной частью контекста, включается в его воспроизведение и может влиять на него. Как утверждал В. И. Кулешов, «Литературу не надо “увязывать” с эпохой. Она сама – продукт времени, эпохи» [8, с. 77]. Второе решение подразумевает отсутствие контекста как такового. Единственным существующим назначается текст, в некоторых случаях, например, в постструктурализме, под контекстом понимается сумма всех имеющихся текстов. Таким образом, мир трактуется либо как субъективные ощущения, либо как объективная реальность. Безусловно, различные современные формы идеализма, такие как позитивизм и постструктурализм, а вместе с ними и новый историзм, стараются затушевать свою субъективность, стремясь придать работе некий критерий объективности. Так, позитивизм не отрицает наличие внешнего мира, но заключает его в границы комплексов ощущений, а постструктурализм и новый историзм, не отрицают существования биологических тел [16], но не отдают предпочтения их изучению.

Точно так же как все философы признают тот факт, что человек не ощущает ничего кроме своих ощущений [13]. Мы можем признать, что все наши знания текстуальны, так как передаются через различные виды текстов. И если из первого идеалисты заключают, что ничего кроме ощущений не существует, то филолог постмодернист из положения, что все наши знания из текстов, резюмирует, что нет ничего, кроме текстов [20]. И раз кроме текста ничего нет, ничего больше не заслуживает внимания ученого. Интертекстуальный подход и деконструкция в этом ключе становятся основополагающими методами в литературных исследованиях. Данные методики имеют ряд проблем и противоречий, которые также порождены идеализмом. Поскольку тексты субъективны, встает вопрос о верности их интерпретаций и вопрос о критерии верности как таковой, ибо каждая интерпретация в таком ключе равнозначна остальным. Новый историзм, по сути, является одной из попыток выйти из интерпретационного кризиса. По

утверждению С. Гринблатта, новый историк подобно археологу должен счищать слои интерпретаций с текста, для того, чтобы понять его истинный смысл. На первый взгляд, такая позиция является объективной и реалистичной, однако при детальном рассмотрении становится понятно, что здесь речь идет лишь об объективных ощущениях и об объективных же интерпретациях, а не об объективной истине.

Материализм же утверждает существование объективной реальности, не зависящей от субъективных переживаний индивида [13]. Впоследствии именно эта реальность и формирует ощущения человека, к ним относятся и тексты. Из этого следует, что наши ощущения являются лишь отражением действительности, а не ей самой. Поэтому изучение контекста становится главным в изучении литературы, поскольку идет от выяснения первопричин, породивших текст, без которых невозможно полностью понять и само произведение. Так формируется принцип историзма, основное положение историко-литературного метода, на котором основаны все его дальнейшие выводы. Таким образом, с одной стороны, как историко-литературный метод, так и новый историзм избавляются от различных интерпретаций текста, стараясь исследовать непосредственно произведение, они понимают само определение текста по-разному. Для историко-литературного метода важно исследовать контекст, потому что с точки зрения материализма, именно он сформировал текст [15], когда новый историзм исследует контекст лишь потому, что видит в нем цепь из других текстов. Исходя из этого, мы видим, что принципиальное различие между данными методами заключается в подходе к принципу историзма, который является главным в каждом отдельном методе.

1.2. Историко-литературный метод и условия его формирования в борьбе материализма с идеализмом

Историко-литературный метод был разработан Борисом Георгиевичем Реизовым во второй половине XX века, но сами принципы историзма в советском литературоведении последовательно отстаивались многими учеными, такими, например, как Валентина Петровна Комарова, Василий Иванович Кулешов и другие. Это было связано с государственной идеологией СССР, которая подразумевала диалектический материализм хотя бы в самых общих его чертах. Отстояв свое право на существование в вооруженном конфликте, советское государство теперь должно было отстаивать свое бытие и в идеологическом пространстве [9]. Поскольку классики марксизма утверждали, что отсутствие философии уже само по себе есть философия, данной науке уделялось много внимания. Марксизм как форма материализма в Советском Союзе противопоставлял себя идеализму на западе. И именно в условиях данного идейного противостояния проводились, в том числе, и литературные исследования. Западное литературоведение выбрало для себя путь отказа от истории, как некой области подверженной объективным законам, которые могут быть познаны. И предпочло путь идеализма и субъективизма, утверждая тождество плюрализма равнозначных мнений. В то время как советские ученые либо в силу собственных убеждений, либо благодаря линии партии придерживались точки зрения материализма. Как утверждал В. И. Кулешов, буржуазные теоретики более не способны идти в ногу со временем и быть гегемоном в прогрессивных преобразованиях. Также, вступая в полемику с западными структуралистами, он называет их методы частичными и не анализирующими всех аспектов произведения. Указывая на то, что литературоведы, придерживающиеся марксизма, задолго до них пользовались данными методами, составляя их в полноценную картину [8].

Таким образом, противостояние между западом и СССР также сильно повлияло и на литературоведение, сделало оно это через идеологию и философию.

Диалектический материализм дает довольно четкие установки по отношению к природе вещей и к познанию окружающего нас мира. Именно его положения о познаваемости вещей в себе, существовании объективной реальности и отношения относительной и абсолютной истины, не говоря об основных законах диалектики, определили, в том числе, и материалистическое понимание истории через теорию классовой борьбы и смену экономических формаций, через отношения производственных сил, а также базиса и надстройки [9, 13]. В литературоведении все это формулирует принцип материалистического историзма, который ложится в основу всего советского литературоведения.

Историко-литературный метод здесь не является исключением, а скорее полноправным продолжением и развитием тезисов материализма. По мнению Б. Г. Реизова литература, это всегда осмысление действительности, а, следовательно, и выражение ее [15]. Сам метод является логическим продолжением сравнительно-исторического и социологического методов, дополняющим данные подходы в литературоведении с точки зрения материализма в идеологическом противостоянии с идеализмом и его литературоведческим воплощением – структурализмом. В своей программной статье «Типология или история?» Б. Г. Реизов прямо акцентирует внимание на том, что исследование эпохи вне исторического контекста априори невозможно. Что при типологическом подходе факты социального характера рассматриваются вне общественных отношений и исследователь неизбежно приходит к категориям психологическим или биологическим. Б. Г. Реизов считает, что творческое мировоззрение писателя вырастает из потребностей общественной борьбы и из всей суммы культурных традиций с ним связанных [25].

В историко-литературном методе при изучении художественного произведения мы неизбежно должны анализировать цели, ради которых оно написано, угол зрения, под которым отразилась в нем действительность, его познавательную и воспитательную ценность. Также, чтобы понять литературное произведение, нужно понять проблематику создавшей его эпохи. Каждая эпоха решает какую-то основную, стоящую перед ней задачу, которая определяется состоянием общества и исторической необходимостью [15], на наш взгляд, именно нахождение и разрешение такой проблемы и является главной теоретической установкой всего историко-литературного метода в целом. Зачастую основная задача выдвигает ряд новых, второстепенных проблем, решение которых необходимо для того, чтобы приступить к главной. Поскольку историко-литературный метод утверждает основную проблему эпохи, которую решает текст, с материалистических позиций, идущих от базиса к надстройке, он ассоциирует эту проблему с авторской идеей, заложенной в текст. С другой стороны, не утверждается, что эта идея должна быть заложена в произведение сознательно, но так как эпоха сама формирует сознание автора, независимо от его желания и воли, то и интенциональная проблема текста может быть решена без прямой ссылки на автора, которая не всегда возможна.

Саму задачу же литературоведения Б. Г. Реизов видел в определении первичного смысла произведения в связи со всем литературным процессом эпохи. Но поняв художественное произведение в его замысле, нужно понять и его функцию [18]. Эта установка носит также больше рекомендательный характер в системе применения историко-литературного метода. Так как мы рассматриваем основную идею произведения через основную проблематику времени, мы уже понимаем, какие проблемы решает данный текст. Однако функция литературы не сводится к одной этой цели, а делится на множество маленьких задач, которые последовательно решаются автором, и которые должен выявить исследователь. Например, произведения всегда имеют

некоторый дидактический характер, степень которого также определяется самим автором, жанром и эпохой написания. Вместе с этим, произведение может иметь и прямую практическую функцию, с оказанием влияния на общественное мнение в виде пропаганды, осквернения чьей-либо репутации или банальной агитации к действию, подобное мнение на счет функции художественных текстов широко разделяется новыми историкам. Также Б. Г. Реизов считал, что в обстановке различных систем отношений общества произведение может приобретать иной смысл [15, с. 14], но изучение подобных проблем становится полем для культурологических, социологических и исторических исследований больше, чем литературоведческих.

Таким образом, теория историко-литературной методологии включает в себя определенное количество структурных элементов, таких как выявление смысла произведения, функций текста, а также проблемы эпохи, которая напрямую отсылает нас к философскому базису методологии, материализму. Именно он определяет все дальнейшие теоретические обоснования и способы практического анализа литературы. Первостепенным предметом анализа в историко-литературном исследовании становится контекст эпохи, в которой существовал автор, а именно экономическая формация, положение классовой борьбы, культурный фон, через работы современных и предшествующих автору деятелей, и только в конце политическая картина мира.

1.3. Формирование нового историзма в рамках развития постструктурализма

Второй исследуемой нами методологией является новый историзм, созданный Стивеном Гринблаттом и активно подхваченный американскими литературоведами, такими как Арон Визер и другие. Согласно А. Э. Анисимовой, новый историзм создавался на кафедрах американских

университетов, посвященных истории английской литературы в 80-е годы XX века. В США, как и в остальном мире, после первой мировой войны, главенствовал повсеместный отход от принципа историзма в литературоведении. В Америке данный подход назывался «новой критикой». В какой-то мере эту надолго утвердившуюся систему можно назвать постепенной компелляцией идей структурализма и постструктурализма. Главной задачей в ней было отказаться от принципа историзма и идеи контекста в целом. Отрицалась важность исследования жизни автора и его идей, как интенциональная ошибка. Единственным, что имело значение, признавался текст, а также его связь с остальными текстами. Однако к 60-м годам данная концепция начала изживать себя и наметился постепенный путь возвращения к историзму [17]. Конечно, к историзму на новом витке его понимания в современной западной культуре.

Стержневой проблемой теории нового историзма С. Гринблатт считает отношение между эстетическим и реальным. В своей методологии он пытается найти грань между двумя дискурсами, выявить их взаимное влияние друг на друга или же вовсе стереть между ними границы. Специфика подхода С. Гринблатта заключается в смешении мейнстримного подхода в философии – постструктурализма, вместе с марксизмом. Связь культуры с капиталом является одним из важных элементов теории нового историзма, но данное положение не оказывает решающего влияния на практические методы нового историзма в той мере, в какой могло бы. Это происходит в связи с тем, что положения марксизма отчасти нивелируются идеями заимствованными С. Гринблаттом из постструктурализма, например Фуко и Лиотара, а также самим течением марксистской мысли, к которой относится С. Гринблатт – неомарксизмом. Отдельно стоит отметить, что в методе ярко прослеживается влияние психоанализа Фрейда, например, в трактовке противоречий капитализма, через подавление классовых противоречий [34, р. 10]. Однако идеи фрейдизма относительно мало

преломляются не только в практике нового историзма, но и практически не освещаются в его теории, в связи с этим, мы ограничимся лишь кратким упоминанием. Таким образом, основой теории нового историзма является смешение постструктурализма с неомарксизмом.

Основой данного понимания стали положения, выдвигаемые неомарксистами, такими как, учитель основателя нового историзма Стивена Гринблатта Фредрик Джеймисон. С. Гринблатт прямо отрекается от ветки марксизма, которую он называет большевистской, однако и меньшевиком ученый себя не считает. Теоретическая основа марксизма здесь используется для установления взаимоотношения искусства и общества в капиталистическую эпоху, вместе с ней и для противопоставления ей в этой области используются теоретические воззрения Лиотара. Здесь С. Гринблатт пытается столкнуть положения марксизма и постструктурализма, пытаясь найти баланс между ними. Старый историзм по С. Гринблатту основан на вере в прозрачность знаков и процедур интерпретации, которые должны быть дополнены пониманием того, что произведение искусства само по себе не является чистым независимым субъектом, лежащим в основе наших предположений. Новый историзм же понимает искусство и общество как два аналитических концепта из различных видов категоризации человеческого опыта, которые могут быть соотнесены друг с другом только при дополнении одного или другого элемента, используя возможности первого. Таким образом, история и литература назначаются взаимопроникающими областями, оказывающими влияние друг на друга и рассматривающиеся в одной текстуальной области [30, 34].

Это обосновывает центральное положение данной методологии, новый историзм убирает противопоставление текста контексту, подразумевая не просто возвращение контекста в исследования, но и его расширение, путем стирания границ между литературными и нелитературными текстами. Это позволяло новым историкам рассматривать культуру не как совокупность

материальных памятников, а как единое текстуальное поле, что вполне соотносится с идеями постструктурализма. Во-вторых, новый историзм поднимал проблему «перспективы настоящего», когда литературоведы пытались избавиться от исторического контекста, но сохранить его в литературе. Новые историки, по мнению А. Э. Анисимовой, здесь становятся на позиции Гегеля, утверждая, что многие предметы переживают свой первоначальный контекст, а затем приобретают новый [17].

Как историко-литературный метод с изучением проблемы эпохи, так и новый историзм с теорией «обмена» и мимесиса признают данные тезисы о влиянии контекста на текст. Общность в данном вопросе возникает из-за приверженности обеих методологий марксизму и диалектике. С. Гринблатт обосновывал данные теоретические предпосылки нового историзма с помощью закона отрицания собственного отрицания [17, с. 50]. Так, по мнению нового историзма, «практика обмена» и «круговорот социальной энергии» [17], являются одной из основ формирования авторской мысли. Однако мы считаем такой подход недостаточно глубоким. Любое художественное произведение не просто транслирует культуру, в которой оно сложилось и производной чего является, оно также решает и проблему, заложенную в эпохе целиком [15 с. 15]. Проблема нового историзма заключается также в том, что он зачастую прямо трактует литературный текст, исключая любую двусмысленность и акцентируя внимание на аллюзиях на жизнь автора. Это вульгарное и эклектичное понимание отображения действительности в художественном тексте в практике не могло не сказаться на критике методологии в целом [17].

Если историко-литературный метод углублен в макроисторию и уделяет основное время обстоятельствам, в которых формировалось произведение и мировоззрение автора, новый историзм интерпретирует произведение сквозь призму политической конъюнктуры и событий из жизни автора. Данное расхождение основывается на различии в понимании термина

объективность. Новый историзм, вслед за позитивизмом, видит это как общественный договор, где некий коллективный опыт, который подтверждается различными людьми, и есть объективное знание. В философии материализма же, объективное знание никак не зависит от ощущений и опыта, практика предназначена лишь для проверки истинности знаний. Таким образом, понимая все сущее как сумму субъективных текстов, новый историзм назначает их действительным объективным знанием, требующим лишь верной интерпретации. Исходя из утверждения В. И. Ленина, материализм утверждает, что мир бесконечен, а вместе с ним бесконечно и познание окружающей среды. Однако все это не сводится к релятивизму, и объективная действительность остается познаваемой на том уровне, который позволяет нам практически проверять ее истинность [13]. С. Гринблатт вслед за позитивизмом и агностицизмом утверждает непознаваемость мира, возможность различных интерпретаций аналитических выводов. Это полностью соотносится с позицией Канта о непознаваемости вещи в себе.

Основная теоретическая предпосылка принципа нового историзма не как методологии, а как концепции в литературоведении, это готовность читать и изучать все тексты на одинаковом уровне [29]. Во-первых, это подразумевает важность изучения контекста, через исторические источники, но как было отмечено раньше, новый историзм является последователем идеологии идеализма. Идеализм утверждает, что в мире не существует ничего кроме наших ощущений, с точки зрения постструктурализма и нового историзма, эти ощущения выражаются в текстах. Разница же между новым историзмом и постструктурализмом заключается в том, что постструктурализм в литературоведении исключает историю как нечто не текстуальное, в то время как новый историзм видит их взаимное влияние друг на друга. Как отмечает новый историзм, не только история влияет на художественные тексты, но и тексты влияют на историю. Как, например, в

случае с хроникой Шекспира «Ричард II», которая активно использовалась противниками Елизаветы I как средство пропаганды и агитационной борьбы [35, Р. 10–24].

Как отмечал А. М. Эткинд, «новый историзм – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [16, с. 8]. Данное определение содержит в себе идеальное описание основных предпосылок всей методологии С. Гринблатта – позитивизма. Не смотря на то, что сам С. Гринблатт скептически высказывался по отношению к позитивизму, полемизируя с положениями, выдвинутыми отдельными авторами, например М. Фуко [28], методология нового историзма выдвигает связь между этими двумя течениями на первый план. Позитивизм в любой своей форме отказывается считать все за просто субъективные или объективные ощущения, вознося себя над идеализмом в философии, он называет все тела комплексами ощущений, что, по сути, и есть тот же идеализм. Вопрос лишь в отношении к наблюдателю, он может оставаться объективным как в случае с абсолютным духом у Гегеля, так и субъективным в случае солипсизма Беркли. Постструктурализм же в данном случае занимает позицию больше соотносящуюся с солипсизмом, поскольку отрицает возможность объективной трактовки текста, заложенную автором, а назначает ее лишь одной из многих равных друг другу, субъективных. Всех их объединяет отсутствие «событий», реально существующих фактов, объективной реальности. Описываются человеческие ощущения, воспроизведенные через нарратив. Новый историзм, таким образом, является продолжателем данной идеологии, он оставляет тексты как ощущения, а людей как субъектов, их воспринимающих, отрекаясь от их абсолютной трактовки.

С. Гринблатт в своих исследованиях явно опирается на текстуальность мира и истории. Вместе с этим, при анализе контекста он совершенно избегает экономических категорий, фокусируя все свое внимание на политическом аспекте. Поскольку данная работа посвящена изучению

Шекспира, все внимание приковано к эпохе Реформации. Следуя позиции высказанной еще Вебером, С. Гринблатт основывается на идеалистической концепции, исходя из которой, протестантизм породил капиталистические отношения, а не капиталистические отношения породили протестантизм. Из этого вытекает множество выводов по поводу авторского замысла в произведениях Шекспира. Например, хроника «Ричард II» рассматривается С. Гринблаттом как агитационное, восхваляющее противников Елизаветы I и принижающих ее саму в преддверии волнений [35]. Это, безусловно, соответствует истине, однако помимо этого, произведение освещает не только и не столько борьбу между католиками и протестантами, выражение которой С. Гринблатт видит в восстаниях против Елизаветы, но и в смене экономической формации.

Однако, несмотря на отсутствие марксистского взгляда при анализе исторических фактов, С. Гринблатт все же внедряет его элементы в свою методологию, а именно он пытается найти связь между общественным и эстетическим [29, 30, 34]. Фактически именно этот аспект и является центральным во всем новом историзме. Поскольку новый историзм зародился как противопоставление новой критике, он подразумевал в первую очередь изучение не только текста, но и контекста. Однако так как мы выяснили, что новый историзм под влиянием постструктурализма воспринимает весь мир как текст, контекст сам становится текстом. Отсюда основная задача новых историков найти не столько влияние документальных текстов на художественные, сколько художественных на документальные [29]. Если раньше принцип историзма в его западном понимании представлял собой изучение эпохи и объяснение через нее текста, то новый историзм в большей степени предполагает описание эпохи через современные ей тексты.

Такая связь общественного и эстетического и интересовала С. Гринблатта, а для ответа на свои вопросы он постарался соединить два взаимоисключающих гносеологических видения мира: марксистское и

постструктуралистское. По мнению С. Гринблатта капитализм порождает множество противоречий, которые в той или иной мере улавливают как марксизм, так и постструктурализм. Для первого противоречия являются признаками подавленных классовых конфликтов, для второго – раскрывают ошибочность веры в логоцентризм. Связь между эстетикой и капиталистическими отношениями С. Гринблатт видит неразрывной, он приводит в пример президента США Рейгана, который постоянно цитировал собственных персонажей из фильмов. По мнению литературоведа, это четко демонстрирует, как именно эстетическое влияет на общественное, а не наоборот. Будучи параллельно как частью эстетического, так и общественного, президент не отделяет от себя обе эти части, внося на столь важном уровне общественного элементы эстетического [34].

Не менее ярким примером для С. Гринблатта является Йосемитский национальный парк и тропа к водопаду Невада, пролегающая в нем. Большое количество табличек и правил, находящихся в полностью натуральной дикой среде – это противопоставление естественного искусственному, с помощью средств, которые делают это противопоставление бессмысленным. Наиболее яркой демонстрацией этого является фотография самого водопада, которая вывешена у самого водопада в том самом месте, откуда она сделана. Попытка обратить внимание на контраст наоборот больше стирает границы между двумя явлениями. Так, эта фотография ярко обращает внимание на взаимопроникающие тенденции между природой и искусством [34]. Подобный взгляд хорошо соотносится с теорией марксизма, основанной на законе о борьбе и единстве противоположностей. Однако важно понимать, что искусство является всего лишь одним из способов познания объективной реальности субъектом, но при этом оно же становится и частью этой реальности. Также нам стоит четко разделять само искусство от любой другой деятельности субъекта, в случае с парком, своды правил и таблички на них указывающие не могут считаться частью эстетического, если мы не

принимаем за эстетическое любое действие человека. Ключом для понимания связи субъекта и объекта становится то, что субъективно только восприятие субъектом объекта, а человеком мира, но действия человека в мире всегда являются объективными. Таким образом, если мы рассматриваем природу как объективное, а искусство как субъективное, то мы приходим к выводу, что влияние искусства на другие субъекты возможно только тогда, когда оно выйдет за грань субъективного и воплотится в прямую и объективную человеческую деятельность, став полноправной частью природы, а не отдельной от нее частью.

С. Гринблатт признает, что произведения искусства не являются сами по себе независимыми элементами, сложившимися вопреки действительности. Он считает, что существует некая «валюта» и «переговоры» в процессе обмена между творцами и институтами или практиками общества. Именно в этом он и видит современную теорию литературоведения: не вне интерпретаций, а в скрытых местах «переговоров» и обмена [34]. Здесь С. Гринблатт также пытается выявить связь между природой и искусством, заключая их в диалектическую парадигму противоположностей, находящихся в постоянной связи друг с другом. На наш взгляд, данная теория мимесиса и является стержневой для понимания нового историзма как концепции и как методологии. Таким образом, новый историзм это сочетание в себе постструктурализма, идеализма, позитивизма и неомарксизма. Он пытается совместить в себе интертекстуальность постструктурализма и внимание к истории как чему-то оказывающему непосредственное влияние на художественное произведение.

1.4. Становление современного шекспироведения

Вильям Шекспир является одним из немногих авторов, обладающих собственным культом. Данный социокультурный феномен сформировался в ряде стран Европы в XVII веке и постепенно разросся до мировых масштабов

[5]. За четыре столетия Шекспир завоевал почти все страны: человеческой жизни не хватит, чтобы прочесть все, написанное о нем людьми самых разных профессий. Например, далеко не полная систематическая библиография Г. Р. Смита (продолжение библиографии В. Эбиша и Л. Шюкинга) насчитывает 20527 работ, опубликованных только с 1936 по 1958 годы. Не менее интересны в этом ключе исследования, проведенные Р. Пирсом, рассматривая отношения семьи и государства в хрониках Шекспира, он исходит из верного общего положения: в исторических драмах главные конфликты происходят в мире государственной жизни, человек в этом мире — прежде всего правитель, политик, воин, гражданин. Однако, когда автор переходит к конкретному анализу драм Шекспира, то именно частная жизнь персонажей становится объектом внимания, пропорции нарушаются, герои Шекспира утрачивают масштабность и превращаются в обыкновенных людей, главные проблемы остаются в тени. Подобная опасность подстерегает критика, недостаточно чуткого к жанровым особенностям отдельных произведений Шекспира [12, с. 4].

Из бесконечного количества исследований о творчестве Шекспира следует упомянуть важнейшие труды, связанные с интерпретацией исторических драм Шекспира. В монографиях Э. К. Чемберса, А. Николла, М. М. Риза, Ф. П. Уилсона содержится научно обоснованная датировка произведений Шекспира и общая характеристика его творчества, в том числе и исторических драм. Для знакомства с событиями того времени огромное значение имеют «Елизаветинские дневники» Дж. Б. Харрисона, собранные автором материалы о жизни Англии в XVI веке главным образом материалы, связанные с творчеством Шекспира и его современников. В XX веке творчество Шекспира все чаще рассматривается в связи с современной Шекспиру экономической, политической, религиозной и военной жизнью. Еще в 30-х годах начало подобного рода исследованиям положили книги Г. Фарнама и А. Харта. В 60-х годах были опубликованы монографии К. Дж.

Хольцкнехта, Ф. Е. Халлидея, П. А. Иоргенсена, К. Б. Уотсона, Дж. У. Китона, которые вводят новые материалы об отражении в драмах Шекспира английской жизни конца XVI века [12, с. 8].

Однако вместе с этим, зарубежное шекспироведение пошло преимущественно по другому пути. Как упоминалось ранее, основным течением в англо-американском литературоведении с 1960-х годов являлась новая критика, шекспироведение не стало исключением. В первую очередь она подразумевает торжество либеральной мысли и постструктуралистских идей. Дж. Уилсон Найт, например, в своих работах о Шекспире отбрасывает этические тенденции викторианской критики и, желая говорить не о корнях, а только о плодах поэтического творчества, игнорирует проблемы развития и категории причинности как лежащие вне эстетики. Исходя из своего «пространственного» принципа, он интересуется не драмой в целом, а ее деталями. Таким образом, изучение творчества Шекспира носило идеалистический характер, и концентрировалось на полном исключении контекста из литературоведческого дискурса, что было обусловлено в первую очередь, описанным нами в первом разделе, отношением к истории.

Но, уже начиная с 1980-х годов, главным течением в шекспироведении становится непосредственно новый историзм. Именно он позволил современной западной науке выйти из тупика интерпретаций завязанных на самих себе. Как отмечает Х. Грейди, Гринблатт внес огромный вклад в шекспироведение хотя бы своим охватом. Его монографии становились бестселлерами с тиражом более 150 000 экземпляров [32]. Вместе с этим, данная методология имеет множество последователей, таких как Х. А. Визер, С. Галлахер и другие. Однако, литературоведении не становилось менее идеологизированным, поэтому всегда являлось очередной площадкой для борьбы за умы людей. Однозначно это борьба между «правыми» и «левыми» философиями. И, если Х. Грейди в контексте американской политики определяет их как консервативные и либеральные, то мы склонны

характеризовать их как идеалистические и материалистические, несмотря на то, что философия материализма на западе может лишь довольно условно относиться к классическому материализму. Так, новый историзм раскололся на две противоположных тенденции: Первая, подразумевает новый материализм, он отказывается от ориентации на наш современный мир, предпочитая эмпирически воссоздавать исторический контекст времен Шекспира. Вторая, интерпретирует Шекспира в контексте нашей собственной культуры, даже когда дело касается изучения контекста [32]. Таким образом, новый историзм не смог снять противоречий в науке, вызванных принципиальными расхождениями в самих постановках вопроса о том, что достойно и требует изучения, а что нет. Между рациональным и иррациональным течениями, между следованием закону причинно-следственных связей и символизмом.

Шекспироведение в XXI веке занимается рядом очень важных вопросов, которые в корне меняют отношение не только к произведениям, но и к самому автору. К ним относятся, вопросы соавторства некоторых драм Шекспира, а также вопрос о том, стоит ли рассматривать Шекспира как автора писавшего для читателей или драматурга работавшего только на театральные постановки. Последний вопрос тесно связан с проблематикой торговли книгами в XVI и XVII веках. Этим активно занимались такие исследователи как Д. А. Брукс, Дж. Д. Кокс и Д. С. Кастан, Р. Даттон и многие другие. В данный момент большинство ученых придерживаются точки зрения, что Шекспир был человеком театра, который писал, чтобы обеспечить материал для театральной труппы, из которой он черпал средства к существованию [32]. Таким образом, в западном шекспироведении преобладает тенденция относить Шекспира к театроведению, однако это положение все еще остается дискуссионным и современная наука не имеет одного единственного русла, в котором движутся исследования Шекспира, что оставляет место для полемики.

Что касается отечественного шекспироведения, в русской критике термин шекспиризма впервые появляется в XIX веке и связан с именем П. В. Анненкова. Однако первые упоминания о Шекспире в Российской Империи имели место быть уже в XVIII веке. В современном литературоведении наряду с термином шекспиризм используется термин шекспиризация [5]. Драматургия елизаветинской Англии неоднократно привлекала внимание отечественных исследователей, в частности, она занимает значительное место в лекциях и трудах А. А. Аникста, Н. И. Стороженко, И. А. Аксенова и В. К. Мюллера. Для изучения всей английской литературы эпохи Возрождения важнейшее значение имеют труды академика М. П. Алексеева. В то время как большинство шекспироведов подчеркивали антифеодалную направленность творчества Шекспира, это обобщение М. П. Алексеева дает возможность иначе интерпретировать драмы Шекспира и его современников. Своеобразие английской драмы в период ее расцвета — в конце XVI — начале XVII веков составляет, как отмечает М. П. Алексеев, синтез противоположных драматургических течений — соединение национальных традиций средневекового театра и разнородных иноземных влияний, главным образом гуманистической европейской культуры эпохи Возрождения [12, с. 7].

Современными исследователями Шекспира в России являются такие ученые как Н. В. Захаров, Вл. А. Луков и В. С. Макаров. Они придерживаются историко-теоретического и тезаурусного методов исследования, изучая большие области науки связанные с Шекспиром как автором, как человеком, шекспиризмом и исследованием эпохи и современников Шекспира. Большое внимание также уделяется просветительской деятельности, в связи с чем от их имени функционируют различные интернет проекты и журналы, а также изучается сфера популярного шекспироведения в публицистике [21]. Особенный вклад в современное шекспироведение внесла обобщающая монография Н. В.

Захарова и Вл. А. Лукова Гений на века: Шекспир в европейской культуре, которая является уникальной работой подводящей итогу развитию отечественной и зарубежной мысли в данном направлении, обобщая все сферы влияния Шекспира на культуру, а также влияния контекста на самого Шекспира [5].

Современное шекспироведение также как и все гуманитарные науки в целом отказалось от идеи историзма, отечественные исследователи сегодня стараются избегать материалистических идей, поскольку это тесно связано с советским прошлым, которое видится им как яркий догматизм. Западные ученые также преимущественно отказываются от подобных идей в пользу постструктурализма. В то же время, так как Шекспир писал именно пьесы, основную роль в его исследованиях начинает играть именно театроведение. Однако являясь самым популярным англо-саксонским автором, его исследованиями занимаются практически все возможные науки. Такие, как психология, культурология, история и так далее. Таким образом, подходы к изучению Шекспира в современной науке многогранны и не ограничиваются одним типом исследований, но вместе с этим преобладающей остается тенденция постструктурализма.

Сама по себе эпоха Реформации, в которую жил Шекспир, является полем для споров историков, социологов и культурологов. Так как она обозначает собой начало активного перехода от феодализма к капитализму. Анализируемая нами хроника «Ричард III» является самой популярной среди исследователей также потому, что посвящена главной проблеме эпохи абсолютизма – тирании. Никто из ученых не спорит с самим фактом существования тирании во времена Шекспира, хотя на сегодняшний день доказано, что сам Ричард III тираном не был [2, 23]. Однако остается вопрос ее образования, и кто больше повлиял на чье существование. Личность тирана на общественное бытие, или общественное бытие сформировало тирана. Таким образом, именно шекспироведение является принципиальным

полем для разрешения методологического конфликта между новым и старым историзмами. Поскольку через него имеется возможность повлиять на остальные области литературоведения и науки, а также в его работе «Ричард III» особенно четко сформулирована проблема эпохи, ответ на который позволит четко определить позицию обоих методов, с точки зрения их идеологии.

Выводы по первой главе

С развитием человека и человечества постоянно изменялось и наше отношение к истории, XX век не стал исключением. Вместе с ходом мирового прогресса человек все больше освобождался от давивших на него сил природы и убеждался в собственной силе познания. Но после мировых войн его отношение к себе, науке и истории кардинально изменилось. Вся сила познания была направлена на разрушение, а не созидание, что утвердило на западе ту точку зрения, что мир иррационален, непоследователен и движение в нем лишено логических причинно-следственных связей, утвердился постмодернизм, а вместе с ним и отрицание истории и объективного познания.

Однако мир не был однополярен, и в мире существовал другой идеологический центр – СССР, который оценивал ситуацию иначе. Западная концепция отрицания рационального мира основана не столько на ужасах мировых войн, сколько на идеалистической философии. Коллективный запад не мог придерживаться позиций материализма, поскольку те давали неприятные ответы, на вопросы о том, почему же произошли мировые войны. Материализм утверждал, что буржуазия более не является прогрессивным классом, и развязывает подобные войны для сохранения собственной жизни. Таким образом, называя мировые войны закономерными и объективными. Капитализм не мог признать себя первопричиной проблем, и вследствие этого выбрал путь идеализма и иррациональности бытия.

Подобное острое идеологическое противостояние сильно отразилось и на литературоведении. Западное литературоведение пошло в сторону субъективизации мира, и определения мира как текста. Поскольку контекст более никак не влияет на текст, его изучение не требуется, что сосредотачивало всех исследователей только на тексте произведения. В то время как материализм в СССР называл текст, продуктом контекста, отдавая основную роль в литературоведении принципу историзма. Историко-литературный метод Б. Г. Реизова был основан строго на данном принципе, утверждая первичность контекста эпохи и возможность единственно верной интерпретации произведения через него. Для того чтобы полностью понять произведение, самым главным было найти проблему эпохи, причины ее породившие, а также весь культурный и политический фон окружавший автора.

К концу XX века на западе также осознали методологический тупик, в который их завел постструктурализм, проблема равнозначности любой интерпретации текста и нужда в некоем объективном знании вернула принцип историзма в научный обиход. Однако он был возвращен измененным, поскольку понимание мира как текста никуда не ушло, контекст изучался как текст, через интертекстуальные методы. Новый историзм старается выявить отдельные дискурсы, циркулирующие в художественном тексте, и отыскать правдоподобные источники для них в жизненном опыте автора и политической обстановке страны, а не в книгах и культурном фоне в целом, которые являются более привычным материалом для источниковедения и старого историзма.

Самым острым полем для борьбы данных философских и методологических концептов становится современное шекспироведение, поскольку является основным направлением для западного литературоведения, а также глубоко разработано в отечественной науке. В данной сфере литературоведения имели место все описанные выше

тенденции, в западной науке это течение новой критики, а в отечественной науке это и был историко-литературный метод. Именно на примере шекспировской хроники «Ричард III» мы отчетливо можем увидеть некую конкретную проблему эпохи, которую решает автор. Однако вместе с этим, время в которое жил Шекспир наполнено и яркими политическими событиями, на которые ссылается новый историзм, пытаюсь описать контекст.

Глава 2. Анализ хроники «Ричард III» в методологических проекциях нового историзма и историко-литературного метода

2.1. Хроника «Ричард III» сквозь призму историко-литературного метода

В данном фрагменте представлен анализ двух монографий В. П. Комаровой «Личность и государство в исторических драмах Шекспира» 1977 года и «Творчество Шекспира» 2001 года [12, 24]. Нами были взяты эти две работы, поскольку именно они позволяют проследить наличие или отсутствие эволюции идей автора. Важно отметить, что любая методология для научных исследователей носит рекомендательный характер, особенно когда не они являются ее составителями. Однако поскольку В. П. Комарова является представителем ленинградской филологической школы, основателем которой был Б. Г. Реизов, в ее работах широко представлен историко-литературный подход.

2.1.1. Исторический контекст в историко-литературном его понимании

Так как историко-литературный метод в первую очередь основан на принципе строгого историзма, заимствованным из философии диалектического материализма, В. П. Комарова начинает свой анализ произведения с исторического экскурса. Данный экскурс присутствует в обеих разбираемых нами монографиях. Она утверждает, что чтобы понять драмы Шекспира, необходимо изучать их текст, характеры персонажей, композицию, развитие драматического конфликта, их источники, а также исторические, политические, религиозные, философские и художественные произведения, которые были или могли быть известны Шекспиру. Необходимо также глубокое знание политической обстановки в Англии в те годы, когда создавалась та или иная драма [12, с. 4]. Все это соответствует

установкам Б. Г. Реизова, который считал, что ключ к пониманию произведения лежит в контексте его сознания [2, 15, 10, 12]. Вместе с этим В. П. Комарова в первую очередь выделяет структурные элементы самого произведения, отделяя литературоведение как самостоятельную науку, пусть и во взаимосвязи с историей.

В. П. Комарова считает, что эпоха абсолютизма представляла собой новейший прогрессивный переворот, когда разрушились феодальные отношения и развивались новые капиталистические экономические и политические отношения. В экономике это был период первоначального накопления, когда быстро развивались ремесло и торговля, а массы свободных крестьян превращались в наемных рабочих. Реформация Генриха VIII означала, прежде всего, передел собственности: земли и богатства церкви и монастырей переходили в руки формировавшегося нового дворянства, предпринимателей и торговцев, которые были заинтересованы в укреплении королевской власти. Краткое правление Марии Тюдор привело к некоторому восстановлению католической религии, но она не могла отнять собственность у новых владельцев и остановить экономический и политический процесс. В политике XVI век был периодом становления национальных государств. Королева Елизавета получила в наследство страну, охваченную религиозными разногласиями, но с помощью своего бессменного советника Вильяма Сесия сумела быстро подчинить церковь государственной власти [24, С. 6–7]. Из подобного анализа мы четко видим полную тождественность взглядов В. П. Комаровой идеям материализма. Здесь за основу берется экономический базис на почве которого выстраивается политическая надстройка. Данный анализ полностью соответствует идеям историко-литературного метода, который предполагает первичность экономического анализа контекста, для выявления первопричин, повлиявших на формирование сознания автора.

Вторая половина XVI века в Англии — период расцвета переводческого искусства. Многочисленные переводы с греческого, латинского, французского и итальянского языков знакомили образованных англичан с культурой античности и ренессанса, тем самым оказывая влияние на развитие уже науки и культуры Англии. В. П. Комарова считает, что освоение иноземной культуры в этот период представляет сложный процесс и укрепляет становление национальной литературы. На развитие английской драматургии, в том числе и на Шекспира, особенно сильное влияние оказали переводы «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха и «Опытов» Мишеля Монтеня, — многие драматурги оттуда черпали свои сюжеты. Влияние сочинений Платона и Аристотеля, трагедий Сенеки, комедий Плавта и Теренция признают все историки английской драмы, однако не меньшее воздействие оказывала национальная традиция — известно, что в XVI веке пользовались популярностью жанры средневековой драмы — мистерии, миракли, моралите, интерлюдии [24, С. 12–13]. В конце своего введения В. П. Комарова анализирует становление театральных трупп в Англии в целом, и в Лондоне в частности. Приходя к выводам о значительном влиянии театра на сознание людей того времени.

Как утверждает В. П. Комарова, такие современники Шекспира как Кристофер Марло, Бен Джонсон, Джордж Чапмен, Томас Лодж и другие, все обращались к истории Англии, Шотландии и Древнего Рима. Однако при этом они обозревали проблемы современности, а не описываемых ими событий. Делалось это в угоду двум причинам, первая — это страх перед потенциальными репрессиями, которые могли последовать за обличение текущей власти. Вторая, как справедливо отмечал М. А. Барг, это специфическое отношение к истории в тот период. История считалась самой главной наукой, иметь базовые знания которой, был обязан каждый уважающий себя аристократ. Считалось, что история позволяет найти ошибки в прошлом, для того, чтобы не совершить их в будущем, и поскольку

власть в государстве напрямую отождествлялась с личностями управляющими этим государством, то история воплощенная в личностях имела по мнению людей широкое практическое применение [14, С. 15–25]. Все это имело широкую связь с макиавеллизмом, ибо не столько важны конкретные советы по управлению державой, с которыми активно вступали в споры современники Шекспира, сколько сам факт данных советов и рекомендаций. Таким образом, В. П. Комарова в своей работе отмечает только первую из двух причин.

По мнению В. П. Комаровой, в хрониках Шекспира почти всегда присутствует философский аспект. Герои наделены способностью объяснять мир и собственные поступки. Индивидуальное мировосприятие Генриха VI, Ричарда III, принца Генриха, отражает типичные для многих времен философские, нравственные и политические принципы. Эти принципы подвергаются проверке жизнью и оказываются или верными или ошибочными. Субъективные представления героев о жизни сталкиваются с «реальной жизнью», какой ее изображает Шекспир. Воззрения участников исторических событий связаны с различными направлениями в общественной борьбе. Развитие действия раскрывает, какие суждения героев подтверждаются в будущем, а какие оказываются заблуждением. При этом часто герой, гибнущий в столкновении с жизнью, вызывает сочувствие, ибо в исторических драмах Шекспира победитель иногда одновременно и прав и неправ, а побежденный в политической борьбе может в этическом отношении превосходить победителей [12, с. 15].

Таким образом, В. П. Комарова представляет нам всеобъемлющий анализ исторического контекста эпохи абсолютизма. Она выделяет экономические проблемы, политические кризисы, роль определенных высокопоставленных личностей, положение сословий и резюмирует их влияние на культуру того времени, а также проецирует это на специфику театра. Если в своей ранней работе В. П. Комарова ограничивается лишь

короткими заметками о формировании национальных государств и концентрирует свое внимание на историках того времени, Холиншеде, Море и других. То в более поздней монографии нам представлен детальный анализ всех элементов, которые повлияли на Шекспира при написании им хроник. Подобная развернутость идет на пользу исследованию, позволяя нам сильнее погрузиться в материал.

По утверждению Б. Г. Реизова, каждая эпоха имеет свою центральную проблему, и любое художественное произведение, так или иначе решает эту проблему. В конце XVI начале XVII веков, этой проблемой была тирания абсолютных монархов, как и в предыдущей работе В. П. Комарова тонко подмечает эту краеугольную деталь. Вместе с историческим экскурсом во введении это дает целостную и последовательную картину того, в какой обстановке создавалось хроника «Ричард III». Подобная последовательность при анализе исторических событий напрямую заимствована из философии материализма, который утверждает первичность экономического базиса и производственных отношений над политической надстройкой. Без этого вступления невозможно было бы разобраться с интенциональной проблематикой произведения. Поскольку без осознания первопричин невозможно было бы окончательно выявить и сам авторский замысел.

2.1.2. Проблематика хроники как ответ на вопрос эпохи – тиранию

В начале непосредственного анализа хроники «Ричарда III» В. П. Комарова сразу же определяет основную проблематику произведения. Она отмечает, что все исследователи до начала XX века рассматривают данный текст как трагедию характера, однако В. П. Комарова определяет ее также и как философскую драму, посвященную теме тирании. В конце XVI века большое количество философов выражало свое мнение по данному поводу, многие исходили из оценок еще античных авторов, и Шекспир был хорошо

осведомлен об этом. Также поднимается вопрос о возможности народного восстания против тирана, который угнетает общество, здесь имеются разночтения, однако большинство высказывается за то, что народ не имеет такого права. В. П. Комарова также утверждает, что свидетельством актуальности проблемы тирании является также популярность «Анналов» Корнелия Тацита, где описана тирания Тиберия и Нерона. Это произведение переиздавалось на латинском языке почти ежегодно с 1581 по 1599 год, а на английском было опубликовано впервые в 1598 год. Обратившись к актуальной теме тирании, Шекспир воспользовался источником — сочинением Томаса Мора «История Ричарда III», которое Рафаэл Холинshed почти полностью включил в «Хроники». Из этих «Хроник» Шекспир заимствовал почти весь материал [12, с. 48].

Многие шекспироведы, отмечая антитираническую направленность пьесы, усматривают ее только в характеристике Ричарда. По идее В. П. Комаровой, они убеждены, что главная и даже единственная причина успеха Ричарда заключена в необыкновенных свойствах его личности [12, с. 48]. Безусловно, роль личности Ричарда в произведении очень велика, поскольку неоспоримо влияние макиавеллизма на Шекспира, доказанное Н. Э. Микеладзе, по ее мнению, хотя макиавеллизм и не имел определяющего значения для Шекспира, его влияние невозможно отрицать [15]. Говоря об идеях необыкновенных и демонических качеств Ричарда, выраженных в хронике, В. П. Комарова считает, «что цель Шекспира заключалась скорее в том, чтобы уничтожить иллюзию этой “иррациональности”. Конечно, успех Ричарда определяется прежде всего его талантами: сам Ричард в хронике “Генрих VI” говорит, что он может разыгрывать оратора, как Нестор, обманывать хитрее, чем Улисс, менять свой облик, как Протей, и может кое-чему поучить даже кровавого Макиавелли (3 Н. VI; III, 2, 188—193). Однако в лицемерии, ораторском и актерском искусстве и жестокости ничего сверхъестественного нет» [12, с. 49]. Мы не согласны с данной позицией, и

считаем, что Шекспир умышленно создавал образ Ричарда, как сущность, которая ближе к демону, чем к человеку. Е. Д. Браун утверждает, что Шекспир сознательно включал элементы сверхъестественного в описание Ричарда [11].

Стоит отметить, что В. П. Комарова в процессе анализа произведения хотя и обращает внимание на личностные качества тирана, основное предпочтение она отдает сравнению материала, на котором основывался Шекспир с текстом хроники. Главными историческими источниками для Шекспира стали труды Томаса Мора и Рафаила Холиншеда. Находя моменты, которые писатель изменил, можно выявить авторский замысел произведения. В. П. Комарова приводит пример, как Холиншед главной причиной смерти Кларенса считает происки королевы и ее родственников, хотя упоминает и о том, что Кларенс был осужден парламентом. В драме Шекспира происходит нечто иное: королева просит Эдуарда освободить Кларенса, и нет оснований сомневаться в ее искренности [12, с. 49]. Действительно, в реальности королева Елизавета вместе с ее родственниками Вудвиллами были интриганам и скорее всего, были причастны к смерти Кларенса, когда сам Ричард Глостер не имел к этому никакого отношения. Это сделано для того, чтобы сильнее демонизировать Ричарда, приписав все возможные грехи ему, создав ему сильный образ тирана.

Для понимания трагедии особенно важно изображение судьбы лорд-камергера Хэстингса. Именно этот фрагмент хроники В. П. Комарова разбирает наиболее подробно. Ричард создает отдельные советы, для того чтобы захватить власть в государстве. Вполне возможно, что внимание Шекспира к этой детали — «раздельным советам», — было обусловлено современной ему политической практикой. Вильям Сесиль, всевластный государственный секретарь и лорд-казначей королевы Елизаветы, использовал сходный политический прием: во время его правления при нем существовал особый немногочисленный совет из преданных ему людей.

Обвинение Хэстингса — важная ступень Ричарда на пути к захвату власти. Если у Холиншеда во время судилища над Хэстингсом зал стерегут вооруженные слуги Ричарда, лишая окружающих возможности к сопротивлению. У Шекспира каждый член совета бездействует не в силу внешних причин, а в силу своей трусости [12, С. 52–53]. На наш взгляд, это должно усиливать дидактический напор на читателя, ибо нравоучительность была одним из важнейших аспектов любой хроники того времени. Как уже упоминалось, история имела огромный вес, в первую очередь, за свою мнимую практическую применимость, и хроника, даже художественная, не столь отличавшаяся в то время от исторической, должна была утверждать определенные черты характера для людей.

В. П. Комарова также анализирует и причины сделавшие Ричарда честолюбивым в рамках логики произведения. По мнению исследователя, внешнее уродство не является первопричиной, а лишь усиливает эффект и служит тирану самообманом. Ричард радуется победе, как воин, сразивший противника, а к обманутой им жертве относится с иронией и презрением. Радости любви действительно недоступны Ричарду, но не потому, что он отталкивает своим безобразием, а потому, что сам он не может любить. Честолюбие, борьба за корону, требующая напряжения всех сил, уже давно уничтожили в его душе другие чувства. Даже ненависти к людям он не испытывает, а просто убирает с пути всех, кто мешает ему достичь власти [12, с. 60]. Все это еще раз подчеркивает основные направленности шекспировской хроники. Акцент внимания на личности тирана, который руководствуется не объективными причинами, требующими принятия жестких решений, не нужду лавировать между классами и противоречиями между правящих элит, а на человека ведомого своим исключительным корыстолюбием. Именно такой смысл вкладывали современники в понятие макиавеллизма, с которым идейно боролись драматурги и философы.

В. П. Комарова при оценке позиции народа со стороны объективной реальности берет картину описанную Холиншедом. Она доверяет Холиншеду как историческому источнику, а позиции других, скептически к нему относящихся ученых, необоснованными. Однако на сегодняшний день нам доподлинно известно, что события в действительности очень сильно отличались от того, что описал Холиншед [2, 23], и ни о какой объективности и правдивости его работ речи идти не может. В данном случае, историкам тяжело определить, как именно отреагировал на воцарение Ричарда, однако эта реакция точно не была однозначной. В то же время, это не имеет большого значения в данном аспекте анализа произведения, поскольку нас интересует то, что подлинными работы Холиншеда считал Шекспир. В. П. Комарова соотносит события в хронике с событиями в первоисточнике и выявляя несоответствия сознательно привнесенные Шекспиром в, как ему кажется, объективную истину, мы можем заключать об акцентах расставленных в произведении.

В. П. Комарова справедливо замечает, что в трагедии «Ричард III» историческое прошлое отражено, каким оно предстало Шекспиру при чтении хроник. Вместе с тем в ней можно видеть отклик Шекспира на актуальные политические вопросы его времени. К 1591 году («Ричард III» написан в 1593 году) Вильям Сесиль объединил в своих руках все высшие должности в государстве. Он разослал по всей стране агентов для поисков тайных врагов и изменников. В 1592—1593 годы аресты следовали один за другим: арестованы Томас Кид и Вальтер Ролей, сэр Джон Перрот, известный своей доблестью, мужеством и благородством. В эти же годы был обвинен в атеизме и убит Марло, обвинены в измене Вильям Харрингтон и Джон Пенри, был раскрыт заговор шотландских папистов. Уже протягивал руку к власти Роберт Сесиль, «горбун», как его называли в кругу его врагов. Умный, энергичный и хитрый политик, он в скором времени сумел обойти всех своих соперников — Эссекса, Ролея, Кобгема и стал главным советником короля

Якова I. Можно утверждать, что обращение Шекспира к проблеме тирании было вызвано его размышлениями о причинах тиранических тенденций в современной ему действительности. Поэтому Шекспир не только наделил Ричарда философией макиавеллистов XVI века, но и осветил причины его успеха. В этом политический смысл трагедии [12, С. 58–59].

Исследование причин иной расстановки акцентов, а также анализ того, что эти акценты призваны подчеркнуть и какие идеи отражают. Все это позволяет четко увидеть конкретный авторский замысел произведения, определяя на что именно перенес акцент автор, путем внесения изменения в исторический материал. Определяется не только дидактический смысл художественного текста, но и проблема эпохи. В данном случае, Шекспир ставит проблему личной и коллективной ответственности людей, в становлении тирании. С точки зрения философии материализма, мы пытаемся выяснить не только идею, которую пытается донести автор, не только то, как он это делает, но и то почему он несет именно эту идею, и почему именно этими способами. В. П. Комарова не сводит свою работу к чистому детерминизму, в данном случае она руководствуется лишь идеей о необходимости учитывать общественно исторические основания произведения, но не ограничиваться ими. Поэтому данный этап анализа кажется отхождением от строгого принципа историзма, но вместе с тем, остается в его рамках и не противоречит ранее сделанным благодарящему выводам об основной проблематике эпохи и причинах ее формирования.

В последней части исследования В. П. Комарова описывает современный политических контекст в моменте написания произведения, проводит аллюзии между произошедшими событиями и реальными лицами. Например, сразу после Варфоломеевской ночи 1572 года посол королевы Елизаветы в Париже Фрэнсис Уолсингем передал Екатерине Медичи осторожно высказанное сомнение английской королевы в том, что вряд ли гугеноты имели большое влияние во Франции, если с ними так легко

расправились. На это Екатерина Медичи возразила, что опасность для ее жизни и для государства была столь велика, что нельзя было прибегнуть к медленным законным средствам. Позднее в самой Англии правительство Елизаветы оправдывало подобными аргументами казнь Марии Стюарт: несмотря на то, что шотландская королева уже восемнадцать лет томилась в тюрьме, ее обвинили в намерении свергнуть и убить Елизавету. В ответ на протест французскому королю Генриху III Елизавета заявила, что она вынуждена была так поступить ради собственного спасения [24]. Это логически завершает связь художественного вымысла произведения с действительностью, которую она отображает. Наглядно отображая первичность объективных факторов перед субъективными, где реальность влияет на литературное произведение прямо, а не косвенно. Внешние факторы в виде Вильяма Сесия и правительства Англии прямо конвертируются в субъективный текст хроники, раскрывая, таким образом, проблему насущной при абсолютизме тирании, которую ощущал на себе Шекспир.

Выводы из работ В. П. Комаровой

В выводах В. П. Комарова утверждает, что Шекспир показывает, что основа тирании — внутреннее состояние общества и государства. Ее возникновению способствуют борьба партий за власть, беззаконие, подчинение королевского совета, парламента, церкви, городского самоуправления и народа воле короля, который правит, опираясь на обман и насилие. Шекспир усиливает по сравнению с источником нравственную ответственность всех исторических лиц, которые могли помешать успеху Ричарда и, которые призваны ограничивать власть абсолютного монарха. Шекспир выбирает гораздо более сложный пример из истории, чем другие драматурги, потому что тирания Ричарда не была столь явной, как тирания античных диктаторов. При этом он создает многогранный, психологически убедительный характер, постепенно опровергая в ходе драматического

действия все самооправдания тирана. Шекспир изображает тиранию как уродливую, неестественную форму правления, которая вызывает нравственный и политический протест и потому неизбежно оказывается непрочной. В отличие от своих современников Шекспир нигде не оправдывает тирана ссылками на условия времени, нигде не изображает полного нравственного падения людей при тирании, а, напротив, показывает, что тиран гибнет под натиском политических сил и на смену тирании приходят лучшие в политическом и нравственном отношении времена [12, с. 66]. На наш взгляд, Шекспир, хотя и приближается к раскрытию внутренних проблем общества и государства настолько, насколько позволило ему его время. Однако вместе с этим, он все еще видит проблему государства в основном в неправильной личности правителя этого государства, это выражается именно в усилении нравственного давления на людей, а глубина внутреннего состояния общества ограничивается теми стратами власти, которые подчинил себе тиран.

Таким образом, более ранняя работа В. П. Комаровой не зацикливается на историко-экономическом анализе эпохи, в которую было создано произведение и выведении всех проблем из базиса. Она исследует структурные элементы текста хроники, обращает внимание на стиль произведения. Однако основным направлением в анализе остается сопоставление текста работы Шекспира с материалами, на которых основывался автор. Также В. П. Комарова отмечает влияние на «Ричарда III» средневековых течений мысли, таких как гуманизм и его трактовка в виде макиавеллизма. Вместе с этим она не уделяет достаточного внимания идеям провиденциализма, также оказавшим немалое значение в формировании сознания Шекспира. Одним из важнейших элементов анализа у Комаровой остается анализ политической и экономической картины XVI и XVII веков. Проводя не прямые параллели между Сесилем и Глостером, В. П. Комарова не остается в рамках прямого отождествления действий литературного героя

и современника Шекспира. Она вместе с этим приводит исследования, посвященные экономическому базису, объясняющему подобную популярность тирании в указанный период.

Вторая монография является более фундаментальным исследованием, в сопоставлении с ранней. Важно отметить, что данная работа в большем ключе соотносится с историко-литературным методом Б. Г. Реизова. В ней В. П. Комарова более детально изучает контекст эпохи, отдельно обращая внимание на каждое звено цепи, находящееся между базисом и надстройкой. Анализируя непосредственно текст произведения, В. П. Комарова ограничивается конкретными фрагментами повествования, которые на ее взгляд наиболее демонстрируют рельефность ее выводов. Концептуальные выводы из этих фрагментов в обеих работах не отличаются друг от друга. Сопоставляя работы Шекспира и Холлиншеда, она делает вывод, что сознательно внесенные изменения в материал Шекспиром и есть его авторский замысел, который заключался в продвижении идей гуманизма, через отрицание макиавеллизма в его общественном понимании, моральной ответственности каждого. Однако на наш взгляд был сделан недостаточный акцент на провиденциализме в хронике «Ричард III». Бездействие народных масс, упование на бога, навязчивые идеи о возмездии, все это символизирует идеи, проецируемые протестантами и имевшими огромное влияние в конце XVI века.

2.2. «Ричард III» в видении нового историзма

Следующим разобранном нами исследованием будет монография С. Гринблатта «*Tyrant, Shakespeare on Politics*» (Тиран, Шекспир о политике) [35]. Поскольку С. Гринблатт сам является составителем методологии нового историзма, то мы вправе оценивать данную работу с обратной позиции. Не по соотношению монографии с идеями нового историзма, а сразу рассматривать работу и положения в ней высказанные как часть нового

историзма. Те места, где С. Гринблатт ситуативно отклоняется от своей центральной линии, мы будем принимать за изменения, которые он привносит в свой метод, являясь его главным носителем.

2.2.1. Анализ политической обстановки в Англии как контекста произведения

С. Гринблатт начинает свое исследование с постановки проблемы, в которой утверждает, что Шекспир на протяжении всей своей карьеры как автор интересовался проблемой возникновения и утверждения тирании как формы власти, и почему институты власти, выстраиваемые веками, не способны этого предотвратить? С. Гринблатт в этом вопросе солидарен с В. П. Комаровой, и считает, что Шекспир видел в этом проблему всеобщего соучастия, падения нравов и, соответственно, коллективной ответственности [35, Р. 1-2]. Задавая большое количество вопросов, направленных на дальнейшее исследование, автор задает тон работе. В их формулировке мы видим, что С. Гринблатт видит хронику не столько как обличение тирании, как ответ на вопрос о ее генезисе и форме существования.

Далее С. Гринблатт отмечает степень тоталитарности режима в Англии во время правления Елизаветы I, по его мнению, именно степень запуганности людей и вынужденность выражаться двусмысленно привели Шекспира к «Ричарду III» и вместе с тем, обеспечили отклик и понимание среди зрителей [35, р. 3]. «The playwright remained very much part of his place and time, but he was not their mere creature». (Он был частью своего места и времени, но он не был их простым созданием) [35, р. 4]. Автор считает, что Шекспир понимал, что даже сами влиятельные фигуры, находящиеся в центре событий, не понимают, что будет происходить с ними дальше. Подобные утверждения напрямую связаны с приверженностью С. Гринблатта к неомарксизму, он видит в Шекспире продукт своего времени и

внешних обстоятельств, наделяя при этом его таким же пониманием мира. Также С. Гринблатт утверждает, что Шекспир не отдает такое большое значение силе воли и личности, отдавая часть влияния обстоятельствам. Однако при этом, создатель нового историзма нигде не ссылается на объективные факторы, из-за чего пока непонятно, что именно создатель нового историзма понимает под внешними обстоятельствами.

Описывая контекст эпохи, С. Гринблатт уделяет очень большое внимание заговору Бабингтона и борьбе между католиками и протестантами. По его мнению, вся Англия была наводнена шпионами папистами, которые по указу Папы Римского должны были устранить Елизавету, но она нанесла им упредительный удар, казнив Марию Стюарт. Также он упоминает о тонкой игре королевы на противоречиях между влиятельными группировками в правительстве. Для С. Гринблатта в этом контексте важно то, что хроника «Ричард II» стала одним из средств агитационной борьбы, для поднятия толпы к восстанию, ибо сам Ричард II – это и была Елизавета I [35, Р. 10-24]. В этом отрывке С. Гринблатт обосновывает основную идею произведения Шекспира через политическую обстановку в Англии.

Во второй и третьей главе С. Гринблатт анализирует хронику «Генрих VI» как пролог к «Ричарду III». Если «Ричард III» это установление тирании, то «Генрих VI» это подготовка почвы для ее торжества. С. Гринблатт выделяет такие основные причины установления тирании как: слабость короля, членение на фракции, большая сила лидеров фракций, нежелание идти на компромиссы с политическими оппонентами. С. Гринблатт отмечает, что Шекспир еще не мог знать современных понятий о партийности, говоря о Йорках и Ланкастерах [35]. Однако, те партии и не были ими в современном смысле слова, они больше походили на римские клиентелы, где вся власть уподоблялась пирамиде и в итоге сводилась к одному фракционному лидеру [12]. В связи с этим, главы партий и имели такое огромное влияние, и в действительности существование таких партий до определенного момента

уравновешивает систему, позволяя монарху играть на их противоречиях, но в случае слабости центральной власти, подобная система превращается в хаос, что и продемонстрировал Шекспир.

2.2.2. Восприятие хроники как трагедии характера сквозь призму понимания человека XXI века

Анализ хроники «Ричард III» С. Гринблатт начинает с характера главного героя. «He is not merely indifferent to the law; he hates it and takes pleasure in breaking it... He divides the world into winners and losers» (Он не просто равнодушен к закону, он ненавидит его и получает удовольствие от его нарушения... Он делит мир на победителей и проигравших.) [35, P. 53–54]. В данной главе автор пытается дать психологический анализ Ричарду, делает он это с точки зрения фрейдизма, много времени уделяя сексуальным влечениям тирана. Также с помощью этого он пытается выяснить, откуда у короля взялась психопатология и как она сформировалась. С. Гринблатт выдвигает теорию, что Ричард внутренне мучился от уродства, вымещая злость и агрессию на окружающих. Он относится к Ричарду, как к реальному человеку, поэтому утверждает, что, хотя окружающие и недолюбливают Ричарда из-за его внешности, считая его отмеченным роком, на самом деле это просто привело к психологической травме, в результате которой Ричард и стал Ричардом. «Shakespeare does not repudiate his culture's belief that bodily deformity signified moral deformity... But, against the dominant current of his culture, Shakespeare insists that the inverse is also true» (Шекспир не отрицает веру своей культуры в то, что телесное уродство означало моральное уродство... Но, вопреки господству данных идей в культуре, Шекспир настаивает на том, что верно и обратное.) [35, P. 56–57]. На наш взгляд, данная позиция не обоснована. Как утверждал Б. Г. Реизов, исследователь должен избавиться от современных интерпретаций произведения для

определения его подлинного смысла [15]. С. Гринблатт же анализирует литературного героя XVI века, как героя XX века. Ричард III, это литературный персонаж, существующий в логике художественного мира созданного Шекспиром, и этот мир не предполагал существования психоанализа, которым оперирует С. Гринблатт. Единственно верная трактовка отношений характера и внешности тирана, это трактовка с точки зрения культурного поля, в котором существовал Шекспир.

В пятой главе С. Гринблатт исследует проблему, поставленную, по его мнению, Шекспиром как основную в хронике. Как человек, чьи ужасные качества известны абсолютно всем, смог достичь престола. Ричард обходил персонажей по-разному, одних он обманывал, другие не могли поверить, что он настолько плох, насколько кажется с первого взгляда «*“I can not think it” serves as the motto for those who simply can not get their minds around such perfidy*» («Я и не мог такого подумать» служит девизом для тех, кто не в состоянии осознать подобное вероломство.) [35, 58 p.], третьи надеются, что Глостер не окажется достаточно влиятельным. Замыслом Шекспира С. Гринблатт здесь считает то, как он показывает людей, совершающих нерациональные поступки, принимая судьбоносные решения. Исследуя фрагмент с гибелью Кларенса, С. Гринблатт обращает особенное внимание на сны, утверждая, что подсознание подсказывает ему, что злодей именно Ричард, но в сознании он отказывается в это верить: «*It is only a dream that Clarence can see what his brother actually intends*» (Только во сне Кларенс может понять, что на самом деле задумал его брат) [35, 73 p.]. Гастингс также не доверяет кошмару лорда Стенли о предательстве Ричарда, который замыслил их убийство. Это призвано продемонстрировать то, что поскольку Ричард не говорит ничего кроме лжи, люди не способны своим осознать этого, и принять его как чистое зло. Еще несколькими примерами этого С. Гринблатт называет сцену с Анной и неоднозначность реакции народа на Ричарда, все это демонстрирует притягательность лжи Ричарда [35]. В

данном отрывке С. Гринблатт снова акцентирует свое внимание на психологическом аспекте, в попытке объяснить иррациональность действий героев произведения.

В последующей главе С. Гринблатт анализирует мысль о том, что с помощью лжи тиран может взойти на престол, но с ее помощью он не сможет этот престол удержать, поскольку она не восполняет недостающие дипломатические и административные навыки, которыми обязан обладать правитель государства. В подобной ситуации тиран нуждается в советниках и соратниках, кандидатом на эту должность становится Бэкингом. По мнению С. Гринблатта, Ричард просит Бэкингема устранить принцев в Тауэре не потому что не может сделать этого сам, а потому что хочет сделать того соучастником [35]. Убийство же маленьких принцев является кульминацией злодеяний Ричарда и Бэкингом, опасаясь ответственности за такое, решается предать Ричарда. С. Гринблатт же интерпретирует это не только как страх перед божественной карой, но и как нелояльность подчиненных тирана, идущих за своим лидером только из собственной корысти, и не готовых следовать за ним в ад [35]. Оставшись в одиночестве, Ричард вынужден делать тактические ходы самостоятельно, все дальше погружаясь в пучину неуверенности и боязни расплаты.

Перед битвой при Босворте, короля преследуют кошмары, а также он признается себе, что его никто не любит «*And if i die, no soul shall pity me*» (И если я умру, никто не пожалеет меня) [31]. Ричарда преследуют призраки тех, кого он предал и убил. Они, по мнению С. Гринблатта, олицетворяют совесть, которой Ричарду явно не хватает. Однако мы считаем, что это скорее проявление страха, за которое Ричард после сам клеймит себя «*Conscience is but a word that coward use, Devise dat first to keep the strong in a we: Our strong arms be our conscience, swords our law. Marchon, join bravely, let us to'tpell-mell, If not to heaven, then hand in hand to hell*». (Совесть – это всего лишь оправдание для трусов, оно придумано, чтобы держать сильных в страхе:

Кулаки будут нашей совестью, мечи – нашим законом. Смело наступайте на врага и не дайте ему одурачить себя, если не в рай, то вместе прямо в ад.) [31], страх в его понимании олицетворяет слабость, которую он, как сильный, презирает. Также в этом фрагменте он демонстрирует идею, выраженную С. Гринблаттом ранее, о том, что как бы тиран не шел по головам, ему нужны соратники даже на пути в ад.

Выводы из работ С. Гринблатта

Подводя выводы, С. Гринблатт заключает, что Шекспир жил в очень беспокойное для драматурга время. За любое неправильное слово в сторону власти могли репрессировать, как сделали с Беном Джонсоном, Кристофером Марлоу и другими деятелями культуры, не говоря о рядовых гражданах. Поэтому Шекспир, если он хотел продолжать заниматься своей деятельностью в театре, зарабатывать деньги и вообще оставаться в живых, вынужден был выражаться двусмысленно. Вместе с этим, драматург имел и собственные политические, философские и этические взгляды, а также потребность их выражать. Поэтому С. Гринблатт уверен, что частично, идеи, высказанные Ричардом, были словами самого Шекспира и выражали его идеи. Основной идеей С. Гринблатт называет веру в то, что власть тирана не может длиться вечно, и он непременно будет свергнут собственным народом [35].

Подобные выводы кажутся нам недостаточно убедительными, и мы больше согласны с позицией Комаровой по этому поводу. В XVI веке вопрос о том, могут ли простые люди свергать власть, стоял довольно открыто. Поскольку начиная XIV века – Жакерии и Тюшенов во Франции, Уота Тайлера в Англии и так далее, народные восстания против своих правительств были довольно распространенным явлением, и они всегда вселяли настоящий ужас в сердца привилегированных слоев населения. Для этого в то время и существовали философские учения об иерархии бытия, где каждый должен был придерживаться своего положения и правильно сосуществовать в нем [16]. Также и с тиранами, они считались вне системы,

отклонениями от нее. С точки зрения провиденциалистов, эта система подразумевала собой божественное бытие, и в случае неповиновения карала всех нарушивших ее законы. С точки зрения гуманистов все было не так однозначно, такие деятели как Макиавелли и Мор выделяли гораздо больше свободы для человека, однако даже у них нет и слова о всенародном восстании. Если мы обратимся к работам Шекспира, в частности, к «Ричарду III», то увидим, что народ выступает как безмолвная масса, которая в сцене инаугурации Ричарда пусть и не одобряет его, ничего не может ему сделать. А свергнут Ричард усилиями светлого освободителя извне, который пришел покарать его за грехи, выраженные душами убитых Ричардом людей, пришедших к нему во сне. Это доказывает, что Шекспир акцентирует гораздо больше внимания на иерархичности мира и соблюдении его законов со стороны правителя, нежели влияния на него народных масс.

Таким образом, с точки зрения нового историзма в «Ричарде III» Шекспир представил себе одинокого тирана, разрывающегося между самолюбием и ненавистью к себе. С. Гринблатт видит в произведении ответы на вопросы как рождается тирания, и в какой форме она существует. Пользуясь методиками психоанализа и неомарксизма, С. Гринблатт приходит к выводам, что двумя основными причинами появления тирании является психическая неустойчивость будущего тирана, и то что Шекспир пришел к этому вопросу благодаря тоталитарной обстановке в стране. Что касается формы существования тирании, она также протекает нестабильно в силу неуверенности тирана, его страхов быть преданным и низменных желаний, иметь абсолютную и бесконтрольную власть надо всеми. По мнению С. Гринблатта, тирания не долгосрочна в исторической перспективе благодаря отсутствию управленческих и коммуникативных навыков у диктатора.

Выводы по второй главе

Во второй главе мы можем резюмировать, что работы В. П. Комаровой действительно основаны на историко-литературном методе и соответствуют

принципам материализма. Это выражается в акцентировании внимания автором на проблеме эпохи и экономическом базисе, который является основным в становлении исторического процесса. Данный метод демонстрирует, что художественная литература является отражением действительности, что на наш взгляд является решающим фактором в формулировке актуальности методологии в литературоведении. В методе четко различима идея того, что объективные обстоятельства формируют наше восприятие, а бытие сознание. Вместе с этим, не исключается и личность автора, в сопоставлении первоисточника с текстом произведения мы видим, как творец преобразует реальность в художественный вымысел, преломляя действительность таким образом, чтобы в ней четко отражались основные конфликты своего времени. Экономическая формация, работы современников, политическая обстановка, идея тираноборчества как основная проблема эпохи, все это сформировало мировоззрение Шекспира и обусловило то содержание, которое он вложил в свою хронику. Подобный подход позволяет употреблять данный метод и в современных реалиях, опираясь на законы материализма.

С. Гринблатт же в своей работе анализирует хронику с точки зрения современного человека, пользуясь современными методиками вроде психоанализа. С одной стороны, Стивен отсылается к контексту эпохи, но с другой он не проводит исследования объективных экономических причин обусловивших существования тирании, а ограничивается лишь констатированием политических фактов ее проявления в Англии XVI века. Также он приковывает все свое внимание к личности Ричарда и к его характеру, пытаясь обосновать тиранию как его психическое расстройство, обосновывая это фрейдизмом, вместо того, чтобы разобраться в том, каким видел Ричарда Шекспир и его современники.

Заключение

Проанализировав две монографии В. П. Комаровой и одну монографию С. Гринблатта можно с уверенностью утверждать о принципиальном различии между этими двумя исследователями. Основное их отличие кроется в использовании различных методологий исследования, историко-литературного метода и нового историзма соответственно. Если в случае с С. Гринблаттом мы можем напрямую ассоциировать метод с его научной работой, то в случае с В. П. Комаровой так сделать нельзя. Поэтому нужно четко разграничивать моменты, в которых В. П. Комарова выступает как самостоятельный исследователь, а в каких соответствует методу Б. Г. Реизова. Главным направлением в вопросе сходства и различия методов является вопрос о принципе историзма и как его применяют исследователи в рамках метода, а также на чем помимо него акцентируется внимание и к каким выводам это все приводит.

В случае с историко-литературным методом в интерпретации В. П. Комаровой мы можем отметить в первую очередь большую роль исторического анализа эпохи с позиций материалистической философии. В. П. Комарова разбирает эпоху абсолютизма целиком, выявляя причины ее породившие, состояние общества, в котором оно пребывало, включая положение классов, политику государства, внешние и внутренние проблемы Англии. При описании эпохи она придает большое значение анализу материалов, на которых основывался Шекспир, и работам современников и предшественников, составляющим культурный контекст времени. Другой немаловажной деталью исследования В. П. Комаровой является проблема становления тирана через коллективную ответственность. Такую же тенденцию имеет и новый историзм, который сводит причины становления тирана в литературной вселенной Шекспира к тем же двум причинам: личному стремлению Ричарда и невозможностью людей воспрепятствовать ему. Новый историзм прибегает к психоанализу и трактует все сквозь призму

бессознательных влечений тирана и общества. Историко-литературный метод же не ставит перед собой цель объяснить причину деформации Ричарда, его интересует сам факт установления его власти, ибо В. П. Комарова трактует все произведение, как призыв к недопущению тирании.

Новый историзм в данном исследовании, с одной стороны, частично отрешивается от практик постструктурализма: интертекстуальности и деконструкции. Однако оставляет другие субъективистские течения: неомарксизм и психоанализ, которые также подвержены влиянию постструктурализма, с точки зрения интерпретации литературного произведения. Отличие в анализе эпохи между В. П. Комаровой и С. Гринблаттом кроется в отличии марксизма от неомарксизма, С. Гринблатт полностью отказывается от анализа экономического базиса, оставляя при этом зависимость сознания от внешних факторов. Его картина политики Англии XVI века соотносится с картиной, данной В. П. Комаровой, с другой стороны причины, вызвавшие подобное состояние общества у С. Гринблатта, совсем другие, в частности, это конфликт папистов и пуритан. В своем стремлении описать действия власти только через политику, а общества – через личностей, С. Гринблатт приходит к анализу произведения без понимания истинных причин его формирования. В результате он делает выводы о том, что главным действующим лицом у Шекспира являются народные массы, так он проецирует на драматурга взгляд современного человека. На наш взгляд стоит понять причины сформировавшие картину мира XVI века, а именно борьбу идей гуманизма и провиденциализма, и в их контексте воспринимать хронику как поступательное движение к гуманизму, но еще не преодолевшую предрассудков своего времени.

Таким образом, новый историзм и историко-литературный методы оба основаны на принципе историзма, но в то же время придерживаются различных философий. Историко-литературный метод основан на материализме, а новый историзм на идеализме. Каждый метод опирается на

контекст как нечто сформировавшее мировоззрение автора, а впоследствии и его идею, выразившуюся в произведении «Ричард III». Однако в новом историзме отсутствует понимание объективных причин, ставших базисом, и акцент смещается на субъективные действия отдельных личностей или группы лиц. При исследовании текста произведения новый историзм старается спроецировать современное понимание человека и общества на произведение, что является следствием влияния идей постструктурализма, в то время как историко-литературный метод старается разглядеть сознание человека прошедших эпох. На наш взгляд, в трагедии показаны вполне реальные причины победы тирана, изображая которые Шекспир следует источнику, но усиливает одни моменты и ослабляет или опускает другие. Внимательное сравнение шекспировской трагедии с источником может помочь проникнуть в авторский замысел драматурга. На наш взгляд подобные практические методы анализа произведения, использованные В. П. Комаровой, способствуют тому, что историко-литературный метод до сих пор может считаться применимым в современном литературоведении.

Список используемой литературы

1. Зарев, П., Актуальные вопросы литературоведения и структурализм. // Теории, Школы, Концепции Художественный образ и структура : сборник статей / ответственный редактор П. С. Строков – Москва : Наука, 1975. – С. 25–36.
2. Устинов, В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров : монография / В. Г. Устинов; редактор М. К. Зелеская – Москва : Вече, 2012. – 424 с.
3. Реизов, Б. Г. Вопросы переодологии в теории литературы // История и теория литературы : сборник статей / ответственный редактор А. Н. Иезуитов. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 262–276.
4. Шекспир, У. Генрих VI : пер. с англ. Бирукова, Е. Н. / У. Шекспир; ред. М. Н. Бычков – Москва : Искусство, 1957. т. 1 – 614 с.
5. Захаров, Н. В. Гений на века: Шекспир в европейской культуре : монография / Н. В. Захаров, В. А. Луков – Москва : ГИТР, 2012. – 504 с.
6. Шекспир, У. Генрих VI : пер. с англ. Бирукова, Е. Н. / У. Шекспир; ред. М. Н. Бычков – Москва : Искусство, 1957. т. 1 – 614 с.
7. Кеми, К. Еще раз о «новом историзме» // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 48–60.
8. Кулешов, В. И. Историзм как основополагающий метод советского литературоведения // Методологические проблемы филологических наук : сборник статей / ответственный редактор И. В. Волков. – Москва : МГУ, 1987. – С. 76–89.
9. Черняк, Е. Б. Историография против истории : монография / Л. М. Королюк – Москва : Институт международных отношений, 1962. – 363 с.
10. Смулянский, А. Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии : монография / А. Е. Смулянский – Москва : РИПОЛ классик, 2021. – 496 с.

11. Зинченко, В. Г. Литература и методы ее изучения. Системно синергетический подход : учебное пособие. / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе – Москва: Наука, 2010. – 200 с.
12. Комарова, В. П. Личность и государство в исторических драмах Шекспира : монография / В. П. Комарова – Ленинград : ЛГУ, 1977. – 224 с.
13. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм Критические заметки об одной реакционной философии. / В. И. Ленин. – Москва : Наука, 1969. – 392 с.
14. Рузавин, Г. И. Методы научного исследования : монография / Л. Г. Князева – Москва : Мысль, 1975 – 237 с.
15. Реизов, Б. Г. Наука о литературе и читатель // Историко-литературный исследования : сборник статей / ответственный редактор И. М. Рай. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 9–27.
16. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия / Новое литературное обозрение. – 2001. – № 47. вып. 1. – С. 7 – 40.
17. Анисимова, А. Э. «Новый историзм»: Научно-исследовательский анализ : монография / А. Э. Анисимова; редактор А. И. Ракитов. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 154 с.
18. Реизов, Б. Г. Об изучении литературы в современную эпоху // Историко-литературный исследования : сборник статей / ответственный редактор И. М. Рай. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 27–44.
19. Сэв, Л. О структурализме. (Заметки об одной из сторон идеологической жизни Франции) // Теории, Школы, Концепции Художественный образ и структура : сборник статей / ответственный редактор П. С. Строков – Москва : Наука, 1975 – С. 3–25.
20. Косиков, Г. К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии) : монография / Г. К. Косиков – Москва : Рудомино, 1988. – 192 с.

21. Макаров, В. С. Поп-шекспироведение: к постановке проблемы : [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pop-shekspirovedenie-k-postanovke-problemy/viewer> (дата обращения: 05.06.2022).

22. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. : пер. с франц. Скуратов, Б. / Ж. Деррида. – Москва : Ессе homo, 2006. – 256 с.

23. Браун, Е. Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз : монография / Е. Д. Браун – Москва : Яуза-каталог, 2019. – 512 с.

24. Комарова, В. П. Творчество Шекспира. : монография / В. П. Комарова – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2001. – 247 с.

25. Реизов, Б. Г. Типология или история? // История и теория литературы : сборник статей / ответственный редактор А. Н. Иезуитов. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 255–262.

26. Кохановский, В. П. Философия и методология науки / учебник для высших учебных заведений / В. П. Кохановский. – Ростов на Дону : Феникс, 1999. – 576 с.

27. Барг, М. А. Шекспир и История : монография / М. А. Барг; редактор А. А. Аникст – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 1979. – 216 с.

28. Микеладзе, Н. Э. Шекспир и Макиавелли: тема «Макиавеллизма» в шекспировской драме : специальность 10.01.03 «Зарубежная литература Африки, Америки и Европы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. / Наталья Эдуардовна Микеладзе ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 23 с.

28. Lentricchia, F. Foucault's Legacy – A New Historicism? // The New Historicism / ed. by Harold A. Veaser. – New York : Routledge, 2013. – P. 231–243.

29. Aram Veeseer, H. Introduction // *The New Historicism* / ed. by Harold A. Veeseer. – New York : Routledge, 2013. – P. IX–XXI.
30. Gallagher, C. *Marxism and the New Historicism* // *The New Historicism* / ed. by Harold A. Veeseer. – New York : Routledge, 2013. – P. 37–49.
31. Shakespeare, W. *Richard the III* / ed. by P. Holland. – New York : Drama, 2000. – 208 p.
32. Grady, H. *Shakespeare Studies, 2005: A Situated Overview* / Shakespeare. – 2005. – № 1-2. – P. 102–120.
33. Spivak, C. G. *The New Historicism: Political Commitment and the Postmodern Critic* // *The New Historicism* / ed. by Harold A. Veeseer. – New York : Routledge, 2013. – P. 277–293.
34. Greenblatt, S. *Towards a Poetics of Culture* // *The New Historicism* / ed. by Harold A. Veeseer. – New York : Routledge, 2013. – P. 1–15.
35. Greenblatt, S. *Tyrant : Shakespeare on politics* / Ed. by S. Greenblatt. – New York : W. W. Norton & Norton, Inc, 2018. – 195 p.